

УДК 94(470.24)(=511.112)''12''
DOI 10.26456/vthistory/2023.4.087–098

КРЕЩЕНИЕ КОРЕЛЫ В 1227 Г. В НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ¹

Б.И. Чибисов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», г. Москва, Россия

Статья посвящена анализу политического контекста крещения корелы по инициативе князя Ярослава Всеволодовича в 1227 г. На основе древнерусских и западноевропейских источников автор показывает, что основным фактором крещения выступила внешняя угроза со стороны Швеции, которая перешла к интенсивной миссионерской деятельности в Западной Финляндии. Анализ археологических источников подтверждает с 1220-х гг. переход погребальной обрядности корелы от кремации к ингумации, что коррелирует с летописными данными о христианизации. Автор делает вывод, что крещение затронуло карельское население, проживавшее в Северо-Западном Приладожье и на Карельском перешейке. В контексте средневековой этнополитики крещение стало методом инкорпорации корелы в общую социально-политическую систему Новгородской земли.

Ключевые слова: Новгородская земля, карелы, межэтнические взаимоотношения, прибалтийско-финские народы, христианизация.

В 1220-х гг. во внутренней политике Новгородской земли преобладает «просуздальская партия», и на протяжении значительной части этого десятилетия новгородский стол занимал третий из сыновей Всеволода Большое Гнездо – князь Ярослав Всеволодович. Он получил в наследство от отца Переяславское княжество, которое, по мнению В.А. Кучкина, включало в себя Переяславль, Кснятин, Дубну, Шошу, Дмитров, Тверь, Нерехту, Зубцов, Клещин, а также земли в Торжке и Волоке Ламском². Ярослав, в отличие от своих предшественников в Новгородской земле, не отказался от своего «отчинного» княжества и посещал Новгород преимущественно в связи с военными действиями. Именно при Ярославе Новгород усиливает свой контроль над отдаленной периферией, следствием чего можно считать распространение его культурного влияния: в 1227 г. по приказу Ярослава

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Русь и соседние народы в XIII–XV вв.: идентичности и политические отношения» (№ 23-28-01032).

² Кучкин В.А. Ростовская земля, Суздальское и Владимирское княжества в XI – первой трети XIII в. // Российская история. 2019. № 4. С. 112.

Всеволодовича было крещено в православие «множество корѣль, мало не всѣ люди»³. В связи с этим возникает вопрос о том, насколько карельское население было знакомо с христианством до этого и какие факторы повлияли на необходимость крещения 1227 г.

Средневековая Карелия – это большой и специфичный регион с точки зрения этнического состава населения и особенностей его материальной культуры. Но именно в Северо-Западном Приладожье отмечена значительная концентрация археологических памятников, связанных с этнической группой, населявшей эту территорию в Средневековье и известной по древнерусским летописям под именованием *корела*. Под Северо-Западным Приладожьем понимается историческая территория, которая примыкает к берегу Ладожского озера, приблизительно от западного берега залива Лехмялахти (что к северу от современного города Приозерска) до восточного побережья залива Линкуланлахти (ориентировочно до поселка Салми) на востоке, включая острова внутреннего архипелага. Карельский перешеек с запада ограничен Финским и Выборгским заливами, а с востока – Ладожским озером. С юга расположена река Нева – естественная граница Карельского перешейка.

Изучение крещения корелы в 1227 г., равно как и процесса христианизации Карелии в целом, имеет длительную и богатую историю. В 1819 г. А.Х. Лерберг пишет о том, что русские князья не принуждали неславянские народы Новгородской земли принимать христианство⁴. А.И. Гиппинг писал: «Неизвестно, сами ли карелы пожелали единоверием скрепить свой союз с русскими или Ярослав силой принудил их креститься; но, во всяком случае, крещение их (если известие справедливо) было политической мерой, долженствовавшей предохранить их от католицизма и шведского владычества»⁵.

В 1856 г. вышла в свет книга И.А. Чистовича, которая «затормозила» последующие исследования в том смысле, что после неё концептуальная схема христианизации Карелии практически не изменялась. Чистович опирался на тезис Лерберга о мирном характере распространения христианства у корелы. По мнению автора, отправка Ярославом Всеволодичем священников к кореле в 1227 г. была успешной, поскольку корела уже давно была хорошо знакома с христианством. Опираясь на этнографические данные, Чистович реконструирует двоеверие карел⁶.

Христианизация корелы стала одним из поводов для написания полемического письма Е.В. Барсова Е.Е. Голубинскому. Голубинский, опираясь на письменные источники (преимущественно летописные), считал, что сведения о распространении христианства в Новгородской земле «крайне

³ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 1997. Т. 1. Стб. 449.

⁴ Лерберг А.Х. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819. С. 99.

⁵ Гиппинг А.И. Нева и Ниеншанц. СПб., 1909. Ч. 1. С. 83.

⁶ Чистович И.А. История Православной Церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих к Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1856. С. 13.

скудны и при том не всегда верны»⁷. В качестве возражения Барсов привлек дополнительные источники, среди которых – устав князя Святослава Ольговича 1137 г. и обрывочные данные археологии.

Н.К. Чуков выпустил в 1892 г. обширную статью, в которой утверждал, что к моменту крещения в 1227 г. карела была частично христианизирована: «И если многие из них ещё не были крещены, то это можно объяснить суеверной привязанностью их к прежним верованиям, боязнию добровольно оставить их, чтобы не навлечь на себя гнева прежних богов; требовалось, следовательно, только некоторое внешнее побуждение, чтобы они крестились, что и произошло, когда Ярослав прислал к ним священников»⁸. А. Ласточкин развил некоторые тезисы своих предшественников и допустил, что в 1227 г. Ярослав Всеволодич крестил не всю карелу, как указано в летописи, а лишь тех, которые не были крещены ранее. То есть указание на крещение «всех карел» нужно, с его точки зрения, расценивать как указание на общий, итоговый результат крещения⁹.

В 1898 г. вышла примечательная статья Я.С. Елпидинского. Автор высказал прогрессивную для той историографической традиции мысль, что главную роль в распространении христианства играли миграционные процессы и этнокультурные контакты славянского и прибалтийско-финского населения¹⁰. Н.С. Шайжин посвятил христианизации Карелии две статьи, в которых отстаивал уже привычную на тот момент версию о том, что в XII столетии христианство прочно и несомненно существовало у прибалтийско-финских жителей не только ближайших к Новгороду территорий, но и Заонежья¹¹.

Как ни странно, в советский период историографии можно наблюдать продолжение дореволюционных церковно-исторических схем. Во многом это объясняется тем, что советская национальная политика в Карелии приветствовала «удревнение» этнокультурных связей славян и карел и поощряла исследования, демонстрирующие и обосновывающие их. Соответственно, пригодились выводы дореволюционной историографии, которые утверждали прочное знакомство карелы с христианством уже в конце X в., а также отстаивали раннее возникновение карельских монастырей. Одним из пионеров советской историографии в изучении средневековой Карелии был С.С. Гадзяцкий. Он считал, что уже в XI в. карельское население платило дань новгородскому князю и десятину от вир и продаж новгородскому епископу. Христианизация

⁷ Барсов Е.В. Письмо профессору Е. Е. Голубинскому, с возражениями на его книгу: История русской церкви. Т. 1, период домонгольский. М., 1883. С. 3.

⁸ Чуков Н.К. Начало христианства в Олонецком крае // Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 53. С. 565.

⁹ Ласточкин А. Карелы, обитающие в Олонецкой губернии // Олонецкий сборник. 1894. Вып. 3. С. 140.

¹⁰ Елпидинский Я.С. Распространение христианства в Олонецком крае // Олонецкие епархиальные ведомости. 1898. № 5. С. 19.

¹¹ Шайжин Н.С. Из прошлого Олонецкого края. Распространение христианства // Олонецкая неделя. 1911. № 10. С. 4–5; Он же. Новые положительные данные в пользу существования в Олонецком крае христианства в XII веке // Олонецкие епархиальные ведомости. 1903. № 6. С. 201–206.

этого населения продвигалась достаточно успешно, так что в гуще карельского населения существовали погосты¹².

Р.Б. Мюллер в комментариях к «Материалам по истории Карелии XII–XVI вв.» объясняет крещение корелы в 1227 г. тем, что «к этому времени католические миссионеры, крестив емь, должны были проникать в Карелию»¹³. Монография Р.Б. Мюллер стала идейным продолжением исследования Гадзяцкого. Она отметила тот факт, что христианизация имела внешнеполитическое и социально-экономическое значение: «борясь со шведами за карельскую территорию и её население, новгородцы очень рано стали применять проповедь православия в качестве одной из мер укрепления своего влияния на корелу. Ещё большее значение, чем отдельные миссионерские попытки, имело возникновение в Карелии монастырей»¹⁴. Позднее эти тезисы были развиты в «Очерках истории Карелии»¹⁵.

Вопрос о крещении корелы в контексте внешнеполитических конфликтов Новгорода и Швеции в XII–XIV вв. затронул И.П. Шаскольский. Автор утверждал, что крещение корелы в 1227 г. представляло собой закрепление за Новгородом областей Карелии, главным образом прилегающих к земле еми, чтобы оградить эти области от шведского влияния. Князь Ярослав Всеволодович понимал непрочность успеха, достигнутого им во время похода на емь в 1226/27 г. В крещении нуждались лишь земли корелы на Карельском перешейке и к западу от него, которые могли стать в обозримом будущем ареной борьбы со Швецией. К тому же именно через эту территорию проходили русские войска во время походов в Финляндию, отсюда же рекрутировались вспомогательные отряды для этих походов¹⁶. Полемизируя с Р.Б. Мюллер, Шаскольский утверждал, что католические миссионеры были далеки от завершения своей «работы» в земле еми в Финляндии и на тот момент не могли думать о проникновении в Карелию, тем более что в представлениях шведов корела была подданной Новгорода.

В 1980-х гг. появился ряд работ, отличавшихся новизной подхода. Так, А.Я. Степанов активно использовал археологические данные и оценивал крещение карел в 1227 г. как формальное и принудительное¹⁷. А.С. Жербин акцентировал внимание на христианизации карел на основе эволюции погребального обряда XI–XIV вв. С крещением 1227 г. автор связывал формальное начало регулярной церковной деятельности в Северо-Западном Приладожье¹⁸.

¹² Гадзяцкий С.С. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941. С. 39.

¹³ Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941. С. 65.

¹⁴ Мюллер Р.Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947. С. 26.

¹⁵ Очерки истории Карелии: в 2 т. Петрозаводск, 1957. Т. 1. С. 59.

¹⁶ Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII в. Л., 1978. С. 136.

¹⁷ Степанов А.Я. На путях духовного восхождения: Религия и атеизм в Карелии. Петрозаводск, 1986.

¹⁸ Жербин А.С. Христианизация Карелии в XII–XVI веках // Православие в Карелии: История и современность: атеистические очерки. Петрозаводск, 1987. С. 25–35.

В последние годы для реконструкции процесса христианизации карел используются преимущественно археологические источники. Значительный вклад в изучение этой темы внесла С.И. Кочуркина. С точки зрения автора, по мере христианизации исчезал погребальный инвентарь, погребение совершалось в гробу с западной ориентацией: соответственно, отсутствие гроба, изменение ориентации погребения и наличие инвентаря позволяет автору рассматривать погребение как языческое. Автор отметила, что крещение карелы в 1227 г. было принудительным и диктовалось обостренной военно-политической ситуацией на северо-западных границах Руси. Рядовая часть населения не изменила своих религиозных представлений, т. к. в археологических материалах XIII–XIV вв. предметы религиозного культа редки¹⁹. А.Е. Мусин подверг такой подход критике и указал на то, что в Древней Руси не существовало обычая помещать вместе с умершим погребальные символы. Главным критерием христианизации карелы для исследователя становится переход от кремации к трупоположению²⁰.

В зарубежной историографии получила широкое распространение гиперкритическая концепция датского историка Д. Линда. По его мнению, существует мало доказательств того, что Новгород предпринимал попытки утвердить христианскую веру среди карел до конца XIV в. Текст Лаврентьевской летописи под 1227 г., который утверждает, что «почти все карелы» были крещены Ярославом Всеволодовичем, представляет собой интерполяцию и опровергается самим фактом широкого распространения язычества среди карел в более позднее время. По мнению Линда, колонизаторское движение шведов могло поставить под сомнение лояльность карел Новгороду. Если по отношению к Западу лояльность шведских карел основывалась на католической вере, то подобной связи не было у восточных карел с Новгородом. Основание монастырей (в частности, Валаамского) Линд рассматривает как религиозную контрмеру шведской экспансии: это «было государственным делом, и эта инициатива новгородских гражданских и церковных властей фактически равнялась контркрестовому походу»²¹.

Таким образом, становится понятно, что крещение карел 1227 г. зачастую рассматривается в историографии как изолированный факт, оторванный от внешне- и внутривосточного контекста того времени. Установление этого контекста, а также использование комплекса существующих летописных и археологических источников позволяет прояснить этот сюжет и пролить свет на процесс христианизации карелы.

Если владимирский князь Юрий Всеволодич проводил активную политику на юго-западе и востоке, то его младший брат Ярослав был ориентирован на запад и северо-запад. Во многом это было обусловлено тем, что его владения в Переяславском княжестве граничили со Смоленским княже-

¹⁹ См.: Кочуркина С.И. Археология средневековой Карелии. Петрозаводск, 2017.

²⁰ Мусин А.Е. Становление Православия в Карелии (XII–XVI век): Историко-археологический аспект // Рябининские чтения '95: сб. ст. Петрозаводск, 1997. С. 243.

²¹ Lind J. H. The politico-religious landscape of medieval Karelia // Fennia. 2004. № 182 (1). P. 7.

ством и Новгородской землей. Приглашение Ярослава на княжение в Новгород последовало в 1215 г. после долгих раздумий новгородцев, поскольку те отправили посольство «много гадавъше»²². Своё княжение Ярослав начал с ареста новгородского боярина Якуна Зуболомича и новоторжского посадника Фомы Доброщинича, которые были отправлены в Тверь. Причины опалы доподлинно не известны. Вероятно, это было как-то связано с действиями новгородцев в 1212–1214 гг. во владениях Ярослава²³. Эти и последующие расправы князя в Новгороде вызвали выступление населения против него. Вооруженное противостояние сторон привело к Липицкой битве 21 апреля 1216 г., в которой Ярослав потерпел поражение.

Повторное появление Ярослава Всеволодовича в Новгороде в 1223 г., по версии НПЛ, было связано с тем, что новгородцы отправили посольство к князю Юрию Всеволодовичу, старшему брату Ярослава²⁴. Ярослав явно извлек уроки из предыдущего конфликта и после приезда в Новгород отправился отражать нападение Литвы²⁵. Лаврентьевская летопись излагает события иначе: сначала Ярослав отправился на защиту Новгорода, как только узнал о литовском нападении, а уже после победы последовало приглашение князя²⁶. В 1223 г., сразу после своего возвращения в Новгород, Ярослав совершил удачный поход на Кольвань²⁷. В 1226 г. он вновь отразил нападение Литвы на новгородские и смоленские земли, причем Лаврентьевская летопись уточняет, что «бѣ бо рать велика ака же не была от начала миру»²⁸. Зимой 1226/27 г. Ярослав отправился с новгородцами в поход в Финляндию на емь «и повоева всю землю, и полонъ приведе бесчисла»²⁹. Лаврентьевская летопись в очередной раз красноречиво сообщает, что поход состоялся туда, где «ни единъ от княз(ей) Руских не возможе бывать»³⁰. Примечательно, что сразу после известия о походе на емь в НПЛ стоит лаконичное сообщение о казни 4 волхвов³¹.

Наибольшие дискуссии вызывает сообщение Лаврентьевской летописи под 1227 г.: «Тогож(е) лет(а) Княз(ь) Ярославъ Всеволодичъ пославъ кр(е)сти множ(е)ство Корель мало не все люди»³². Помещённое в основной летописный текст и лишённое каких-либо контекстуальных отсылок, такое лаконичное сообщение действительно может вызывать обоснованные подозрения, а при поверхностном прочтении фрагмент можно оценить как интерполяцию. Однако для реконструкции контекста необходимо обратиться к НПЛ, которая содержит подробное сообщение под следующим, 1228 годом

²² ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 53.

²³ Там же. Т. 1. Стб. 492.

²⁴ Там же. Т. 3. С. 61.

²⁵ Там же. С. 61.

²⁶ Там же. Т. 1. Стб. 448.

²⁷ Там же. Т. 3. С. 61.

²⁸ Там же. С. 64; Т. 1. Стб. 448.

²⁹ Там же. Т. 3. С. 65.

³⁰ Там же. Т. 1. Стб. 449.

³¹ Там же. Т. 3. С. 65.

³² Там же. Т. 1. Стб. 449.

Новгородский летописец упоминает о том, что Емь численностью более 2000 человек в качестве ответной меры на успешный поход Ярослава зашла на кораблях в Ладожское озеро. После получения этой вести новгородцы с князем Ярославом также вышли на кораблях в Ладогу. Ладожане под руководством ладожского посадника Володислава преследовали противника и уничтожали его на воде, на островах и побережье у Олонца³³. С наступлением темноты емь отошла с пленными на берег и запросила мира, но ладожане ответили отказом. Бросив корабли, нападавшие поспешили скрыться в лесу, однако ладожане уничтожали их и здесь, попутно сжигая корабли противника. Предполагая, что емь будет отходить из Ладоги по Неве, новгородцы с князем заранее блокировали её, но так и не дождалась ни врага, ни ладожан. В итоге Ярославу пришлось вернуться в Новгород. Между тем отступавшая емь была встречена ижерянами – представителями прибалтийско-финского этноса, проживавшими в бассейне Невы и на побережье Ладожского озера. В этой связи важно замечание летописца о том, что в боях участвовала корела: «и ту ихъ избиша много, а прокъ ихъ разбежеса, куды кто видя; нъ техъ Корела, где обидуче, въ лесе ли, выводяче, избиша»³⁴. Причина того, что сообщение о крещении содержится только в Лаврентьевской летописи, может крыться в политическом контексте. По мысли А.А. Кузнецова, в ситуации с крещением корелы уместно предполагать согласование планов Ярослава и Юрия Всеволодича³⁵. При этом поддержка и защита Новгорода со стороны Ярослава обходилась без помощи его старшего брата, и Юрий никак не вмешивался в политику на Северо-Западе.

Крещение корелы имело большое политическое значение. В первую очередь оно было направлено на более глубокую интеграцию этого прибалтийско-финского этноса в систему (прежде всего культурно-религиозную и военную) Новгородской земли в условиях внешней угрозы. Около 1218 г. соборный каноник из Упсалы, англичанин Томас, занял пост главы католической церкви Финляндии. Г. Рейн считал, что этот епископ был причастен к организации похода еми на Новгород и предполагал, что среди нападавших были шведские крестоносцы³⁶. Как бы то ни было, Томас был активным миссионером: Римский папа Гонорий III в булле от 13 января 1221 г. указывал на то, что церковь Финляндии вышла из состояния длительного и глубокого упадка. При этом понтифик запретил христианам, вверенным Томасу, вести торговлю с язычниками и «варварами», которые стремились уничтожить «новое насаждение» (т. е. христианизированную юго-западную Финляндию)³⁷. Кого именно здесь подразумевал Гонорий под «варварами» и «язычниками», неясно: по всей видимости, здесь идёт речь о новгородцах и

³³ ПСРЛ. Т. 3. С. 65.

³⁴ Там же. С. 65.

³⁵ Кузнецов А.А. Крещение карел в контексте военно-политических практик Новгорода и Владимирского княжества // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза: Сб. статей. М., 2014. С. 155.

³⁶ См. Rein G. Biskop Thomas och Finland i hans tid. Helsingfors, 1838.

³⁷ Шаскольский И. П. Указ. соч. С. 131.

кореле. Внешнюю угрозу в Новгороде могли усматривать и в посланиях Гонория на Русь. В его послании «христианам Руси» от 16 ноября 1224 г. прочитываются намеки на то, чтобы привлечь русских (прежде всего Новгород и Псков) к военным действиям против язычников в Прибалтике в обмен на обещание помощи в предстоящих столкновениях с татаро-монголами³⁸. Послание от 17 января 1227 г. было адресовано, вероятно, князьям Новгорода, Пскова, Смоленска и Полоцка. Предшествующая посланию встреча русских послов с легатом Вильгельмом Моденским давала Ватикану надежду на активизацию католической миссии на Руси. Но в связи с тем, что на Руси не делали встречных шагов, письмо приобрело угрожающий тон: «Поддерживая прочный мир с христианами Ливонии и Эстонии, не мешайте распространению веры христианской и тогда не вызовете негодования божественного апостольского престола»³⁹. Послания Гонория, равно как и активная миссионерская деятельность в Финляндии, могли быть интерпретированы на Руси как внешнеполитический сигнал угрозы.

В зарубежной историографии можно встретить точку зрения, согласно которой Ярослав использовал «немецкий метод» интеграции подчинённых этносов, поскольку именно путём христианизации закрепляли свою власть немцы и датчане в Ливонии, а также шведы в Финляндии⁴⁰. Однако Х. Киркинен выявил отличия новгородской христианизации прибалтийско-финских племен: крещение корелы сопровождалось единовременной и мирной миссией со стороны священников и монахов без вооруженного насилия со стороны Новгорода. Как отмечает автор, насильственная христианизация была чужда новгородской политике, а в данном случае могла даже настроить карельское население против Новгорода⁴¹. Интеграция этноса через христианизацию была широко распространена в Средневековье. Кроме того, известно, что в 1210 г. новгородцы восстановили свою власть над городом Медвежья Голова (Оденпе), который был центром давно зависимой от Новгорода эстонской области Унгавнии⁴². В 1208–1209 гг. эту область захватили немецкие рыцари. Если НПЛ сообщает только о военном походе на Медвежью Голову, то Генрих Латвийский указывает подробности: «Так как в замке не хватало воды и съестных припасов, осажденные просили мира у русских. Те согласились на мир, крестили некоторых из них своим крещением, получили четыреста марок ногат, отступили оттуда и возвратились в свою землю, обещавши послать к ним своих священников для совершения возрождающего к новой жизни таинства крещения; этого однако они впослед-

³⁸ Крестonosцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г.: Тексты, перевод, комментарии. М., 2002. С. 217.

³⁹ Там же. С. 220.

⁴⁰ Rein G., Op. cit., S. 29.

⁴¹ Kirkinen H. *Karjala idän kulttuuripiirissä: Bysantin ja Venäjän yhteyksistä keskiajan Karjalaan*, Helsinki, 1963, S. 74.

⁴² ПСРЛ. Т. 3. С. 52.

ствии не сделали, ибо жители Унгавнии позднее приняли священников от рижан, были ими крещены и причислены к рижской церкви»⁴³.

Археологические источники демонстрируют изменения погребальной обрядности корелы в первой трети XIII в. Как отмечает С.В. Бельский, до начала XIII в. в Северо-Западном Приладожье и на Карельском перешейке существовали только могильники с трупосожжениями. Верхняя граница существования таких памятников неясна, но Бельский предположил, что они продолжали существовать и в первой половине XIII в. С 1220-х гг. появились грунтовые могильники «развитого типа» с трупоположениями в сопровождении значительного количества инвентаря. С этого времени погребальный обряд становится более разнообразным, но его устойчивые формы не выявляются. Унификация погребального обряда под влиянием христианства отмечается только с 1310-х гг.⁴⁴

Участие корелы в отражении нападения еми в 1228 г. не представляет собой экстраординарного явления. Корела и ранее участвовала в военных действиях новгородцев в 1143, 1148, 1187 и 1191 гг.⁴⁵ Как полагает Бельский, появление карельских могильников с трупоположениями свидетельствует о серьёзных изменениях в социальной структуре карельского общества. Часть населения (в особенности хорошо вооружённые воины) приняли христианство, что нашло отражение в погребальной обрядности. На рубеже XII–XIII столетий потомки карел, вовлечённых в походы второй половины XII в., хоронили умерших по христианскому обряду. Однако часть карельского населения из Северного Приладожья продолжала практиковать поверхностные кремации⁴⁶.

Несмотря на интеграцию корелы посредством крещения, есть свидетельства о её относительной автономности и распространении язычества. Епископ Генрих Вик-Эзельский в послании от 13 апреля 1241 г. упоминает «земли между Эстонией, уже крещённой, и Рутией, а именно: земли Ватланд, Нуова, Ингрия и Карела, которые, как ожидается, примут веру Христову»⁴⁷. «Язычники Ватландии, Ингрии и Корелии» упоминаются в послании Римского папы Александра IV архиепископу Рижскому 3 августа 1255 г.⁴⁸ В этих пассажах нельзя отбрасывать теологический характер оценочного понятия «язычники»: посредством такой лексики иерархи вполне могли противопоставлять истинную «веру Христову» латинской традиции и всем прочим конфессиям, которые воспринимались как потенциальные объекты для миссии. Далее, в договорах Великого Новгорода с Любеком и Готландом 1260-х гг. новгородская сторона снимала с себя ответственность за происше-

⁴³ Генрих Латвийский Хроника Ливонии. Л., 1938. С. 129–130.

⁴⁴ Бельский С.В. Хронология погребальных памятников Карельского перешейка и Северного Приладожья XI–XV вв. // *Stratum plus*. 2014. № 5. С. 219.

⁴⁵ ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 370; ПСРЛ. Т. 3. С. 27, 39.

⁴⁶ Бельский С.В. Указ. соч. С. 219.

⁴⁷ Крестоносцы и Русь... С. 258.

⁴⁸ Там же. С. 278.

ствия в Корельской земле⁴⁹. Несмотря на это, статус корелы на Северо-Западе Руси по отношению к новгородской политике заметно повышается: с 1241 г. она включена в летописные перечни НПЛ наряду с новгородцами, псковичами, ладожанами, водью и ижорой⁵⁰. В 1270 г. «совкуписа в Новгороде вся волость Новгородская, плсковичи, ладожане, Корѣла Ижера, Вожане; и идоша в Голино» против Ярослава Ярославича⁵¹. Корела выступает здесь как сторона, обладающая своими военными ресурсами, но при этом вписанная в новгородскую военную систему в целом. Такой автономии корела лишается к 1310 г., когда повторно был построен Корельский город и создана система крепостей, проходящих вдоль границы⁵².

Таким образом, крещение корелы в 1227 г. получило отражение в Лаврентьевской летописи в связи с особым интересом в Северо-Восточной Руси к политике Ярослава Всеволодича. Крещение затронуло преимущественно карельское население, проживавшее в Северо-Западном Приладожье и на Карельском перешейке. Фактором крещения выступила прежде всего внешняя угроза со стороны Швеции, которая перешла к интенсивной миссионерской деятельности в Финляндии среди еми. Крещение стало не только способом закрепления новгородской власти в Корельской земле, но и методом инкорпорации корелы в общую систему новгородской политики. Археологические источники подтверждают значительное изменение погребальной обрядности в сторону христианства с 1220-х гг., что коррелирует с летописными данными. В целом можно говорить о том, что корела имела особое значение в политической системе Новгородской земли, и это значение со временем лишь усиливалось. В связи с этим точка зрения гиперкритиков на недостоверность сообщения о крещении корелы выглядит неубедительной, равно как и уверенность в том, что Новгород не уделял должного внимания христианизации корелы.

Список литературы:

1. *Бельский С.В.* Хронология погребальных памятников Карельского перешейка и Северного Приладожья XI–XV вв. // *Stratum plus*. 2014. № 5. С. 317–332.
2. *Гадзяцкий С.С.* Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1941. – 200 с.
3. *Жербин А.С.* Христианизация Карелии в XII–XVI веках // *Православие в Карелии: История и современность: атеистические очерки*. Петрозаводск: Карелия, 1987. С. 25–35.
4. *Кочкуркина С.И.* Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2017. – 380 с.
5. *Кузнецов А.А.* Крещение карел в контексте военно-политических практик Новгорода и Владимирского княжества // *Восточная Европа в древно-*

⁴⁹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 57, 59.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 78.

⁵¹ Там же. С. 89.

⁵² Там же. С. 333.

- сти и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза: Сб. статей. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 153–158.
6. Кучкин В.А. Ростовская земля, Суздальское и Владимирское княжества в XI – первой трети XIII в. // Российская история. 2019. № 4. С. 92–115.
 7. Мусин А.Е. Становление Православия в Карелии (XII–XVI век): Историко-археологический аспект // Рябининские чтения'95: Сб. статей. Петрозаводск: [Б. и.], 1997. С. 242–262.
 8. Мюллер Р.Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1947. – 175 с.
 9. Степанов А.Я. На путях духовного восхождения: Религия и атеизм в Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1986. – 168 с.
 10. Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII в. Л.: Наука, 1978. – 245 с.
 11. Lind J.H. The politico-religious landscape of medieval Karelia // Fennia. 2004. № 182 (1). P. 3–11.
 12. Rein G. Biskop Thomas och Finland i hans tid. Helsingfors: J.C. Frenckell, 1838. – 32 p.
 13. Kirkinen H. Karjala idän kulttuuripiirissä: Bysantin ja Venäjän yhteyksistä keskiajan Karjalaan. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1963. – 264 s.

Об авторе:

ЧИБИСОВ Борис Игоревич – кандидат исторических наук, научный сотрудник, научно-учебной лаборатория медиевистических исследований, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, 21/4), e-mail: borischibisov@yandex.ru

THE BAPTISM OF THE KARELIANS IN 1227 IN THE NOVGOROD LAND

B.I. Chibisov

National Research University «Higher School of Economics»,
Moscow, Russia

The article is devoted to the analysis of the political context of Karelia's baptism initiated by Prince Yaroslav Vsevolodovich in 1227. On the basis of Old Russian and Western European sources, the author shows that the main factor of baptism was an external threat from Sweden, which switched to intensive missionary activity in Western Finland. The analysis of archaeological sources confirms the transition of the funeral rites of Karelians from cremation to inhumation since the 1220s, which correlates with the chronicle data of Christianization. The author concludes that the baptism affected the Karelian population living in the Northwestern Lado-ga region and on the Karelian Isthmus. In the context of medieval ethno-

politics, baptism became a method of incorporation of Karelians into the general socio-political system of the Novgorod Land.

Keywords: *The Novgorod Land, Karelians, interethnic relations, The Baltic-Finnish nations, Christianization.*

About the author:

CHIBISOV Boris Igorevich – Ph.D. in History, Researcher, the Scientific and Educational Laboratory of Medieval Studies, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics (Russia, 105066, Moscow, Staraya Basmannaya str., 21/4), e-mail: borischibisov@yandex.ru

References:

- Bel'skii S.V., *Khronologiya pogrebal'nykh pamyatnikov Karel'skogo peresheika i Severnogo Priladozh'ya XI–XV vv.*, Stratum plus, 2014, № 5, S. 317–332.
- Gadzyatskii S.S., *Karely i Kareliya v novgorodskoe vremya*, Petrozavodsk, Gosizdat Karelo-Finskoi SSR, 1941.
- Zherbin A.S., *Khristianizatsiya Karelii v XII–XVI vekakh*, Pravoslavie v Karelii: Istoriya i sovremennost': ateisticheskie ocherki. Petrozavodsk, Kareliya, 1987, S. 25–35.
- Kochkurkina S.I., *Arkheologiya srednevekovoi Karelii*, Petrozavodsk, Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, 2017.
- Kuznetsov A.A., *Kreshchenie karel v kontekste voenno-politicheskikh praktik Novgoroda i Vladimirskogo knyazhestva*, Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Yazychestvo i monoteizm v protsessakh politogeneza: Sb. statei, M., IVI RAN, 2014, S. 153–158.
- Kuchkin V.A., *Rostovskaya zemlya, Suzdal'skoe i Vladimirskoe knyazhestva v XI – pervoi treti XIII v.*, Rossiiskaya istoriya, 2019, № 4, S. 92–115.
- Musin A.E., *Stanovlenie Pravoslaviya v Karelii (XII–XVI vek): Istoriko-arkheologicheskii aspekt*, Ryabininskie chteniya'95, Sb. statei, Petrozavodsk, B. i., 1997, S. 242–262.
- Myuller R.B., *Ocherki po istorii Karelii XVI–XVII vv.*, Petrozavodsk, Gosizdat Karelo-Finskoi SSR, 1947.
- Stepanov A.Ya., *Na putyakh dukhovnogo voskhozhdeniya, Religiya i ateizm v Karelii*, Petrozavodsk, Kareliya, 1986.
- Shaskol'skii I.P., *Bor'ba Rusi protiv krestonosnoi agressii na beregakh Baltiki v XII–XIII v.*, L., Nauka, 1978.

Статья поступила в редакцию 15.10.2023 г.

Подписана в печать 15.12.2023 г.